

***

Глава 31

***

Хорошие новости

***

Чэн Ушэн должен нас поблагодарить

***

Цзи Лююнь, вдоволь надышавшись ароматом, наконец отнял ладонь от лица. Не чувствуя ни малейшей неловкости, он опустил взгляд на стол и вытянул из стопки чистый лист бумаги.

«Цзи Лююнь, принадлежащий Гу Цяню», — вывел он в самом верху.

Над именем «Гу Цянь» он нарисовал крупное, пухлое сердечко, после чего мастерски перешёл к вопросам в излюбленном стиле своего юного хозяина.

— Прежде всего: вы точно уверены, что я ваш Старший брат?

Цю Юэбай готов был поклясться в этом собственной жизнью.

— В моих документах указано другое имя, — продолжил допрос Цзи Лююнь. — Обо мне и моем так называемом «другом брате» вы знаете немного. Как вы можете подтвердить подлинность моих слов?

Этот вопрос поставил Цю Юэбая в тупик.

Второй лидер бесследно исчез, этот — потерял память, а всё потому, что оба этих «предка» обожали окружать себя завесой тайны. Юэбаю пришлось объяснять, что он пришёл в «Сань Юэ» всего два года назад. К тому моменту организация существовала уже полтора года, и история её основания была ему доподлинно неизвестна.

— Но, Старший брат, твоя аура не может лгать, — произнёс Цю Юэбай и, закатав левый рукав, продемонстрировал запястье. — Вы сами накладывали эту духовную печать на каждого, кто вступал в наши ряды.

Цзи Лююнь наклонился над столом, внимательно изучая метку. На внутренней стороне запястья Юэбая мерцала золотистым светом духовная печать в форме изящного листа гинкго. Тонкие прожилки и даже слегка загнутый край листка были прорисованы с поразительной чёткостью.

Он откинулся на спинку кресла и сделал пометку на листе: «Сань Юэ. Основана три с половиной года назад. Символ — лист гинкго».

Проведя в корпорации «Цзинтянь» под крылом Чэн Ушэна более трёх месяцев, призрак успел набраться опыта в управлении делами и понимании структуры власти.

— За что отвечал я, а за что — второй лидер? Как распределялись обязанности?

— Вы назвали меня «монахом». Как я обычно вёл себя с людьми?

— В каких отношениях мы были со вторым братом?

— Чем я занимался в компании изо дня в день?

— Вы сказали, что мы исчезли в конце весны. Какого именно числа это произошло?

***

Опрос завершился. Систематизировав полученную информацию, Цзи Лююнь начал понемногу осознавать контуры своего прошлого.

Оказалось, что он и его безымянный напарник вместе основали в Цзянчэне организацию «Сань Юэ». Однако их целью, похоже, была вовсе не слава или нажива. Они установили жёсткие правила, некоторые из которых буквально лишали их прибыли. Более того, они тратили огромные силы, накладывая на каждого подчиненного метку в виде листа гинкго — охранное заклятие, которое другие группировки сочли бы излишней тратой ресурсов.

«Сань Юэ» больше напоминала некий опорный пункт, созданный для того, чтобы чего-то ждать или что-то искать.

Он написал на бумаге слово «Цель» и поставил жирный знак вопроса.

Что касается обращения «Старший брат», то это тоже было правилом, заведённым вторым лидером. По описанию Цю Юэбая, тот человек обладал взрывным характером; он был подобен зажжённой петарде, постоянно шумел и вечно мельтешил в офисе. Тем не менее, между двумя лидерами существовала глубокая, проверенная годами привязанность.

Призрак записал: «Человек настроения, личность не установлена».

Последние потрясения в организации были вызваны действиями Чунь Сяосюэ. Эта временная руководительница, попирая все законы «Сань Юэ», самовольно брала заказы, пытаясь исправить финансовое положение. Именно так они оказались втянуты в дело об убийстве, связанное с Лю Шэном.

Заметка: «Чунь Сяосюэ — склонна к предательству».

О себе самом Лююнь исписал длинный столбец. Каждая черта рисовала образ незнакомца, и, несмотря на внешнее спокойствие, в глубине души призрака поселилась тревога. Он словно смотрел в разбитое зеркало, в котором отражался чужой человек — лидер «Сань Юэ», уважаемый Старший брат, хранитель великих тайн.

Это прошлое давило на плечи тяжестью гор. Время... время внезапно превратилось в острое лезвие. Без подходящего лекарства, без способа продлить жизнь Гу Цяню остался всего год. С другой стороны, здесь, в «Сань Юэ», была толпа людей, которые надеялись на лидера и ждали его возвращения.

Как удержать равновесие между этими двумя мирами?

В самом углу листа он снова написал имя «Гу Цянь» и обвёл его ещё одним пылающим сердцем. Цю Юэбай, стоявший рядом, невольно дёрнул уголком глаза, заметив это художество.

— Старший брат, мы все очень за тебя переживали, — произнёс он, решив наконец высказаться начистоту. — У тебя с этим Гу Цянем... что за отношения?

— Гу Цянь приютил меня, дал еду и кров, — Цзи Лююнь отложил кисть и встал, медленно обходя кабинет. — Теперь он не может без меня. Я — его жизнь.

Лююнь лихорадочно обдумывал план действий и не горел желанием делиться интимными подробностями их быта, поэтому ограничился кратким резюме.

Лицо Цю Юэбая сменило несколько оттенков, а Ань Цзянь и вовсе вытаращил глаза. Среди практиков Инь не было человека, который не знал бы, что Гу Цянь признаёт только логику, но не личные чувства. Поговаривали, что совсем недавно он в одиночку разгромил логово старых призраков в переулке Уван — действовал он при этом быстро и беспощадно.

Будь на месте «Глупого пса» кто-то другой, это ещё можно было бы понять. Но их Старший брат... он ведь призрак. От «приютил» до «не может жить друг без друга»? Что это за невероятная кармическая связь?

— Старший брат, но ведь Гу Цянь в Цзянчэне личность известная, — осторожно подбирая

слова, начал Цю Юэбай. — Говорят, характер у него... весьма холодный.

— Знаю. Но когда меня нет рядом, он даже отказывается есть.

Призрак остановился перед алтарём, изучая керамический сосуд. Он стоял спиной к подчиненным, и его голос, тихий и бесстрастный, эхом разнёсся по комнате, приобретая в их ушах совершенно иной смысл.

На самом деле он имел в виду, что Гу Цянь ужасно привередлив в еде и без уговоров не станет есть даже брокколи. Но для Юэбая это прозвучало коротко и пугающе: «Без Старшего брата Гу Цянь не может принимать пищу».

— Господин Гу... он вообще слушается тебя? — не унимался Цю Юэбай, надеясь развеять свои подозрения.

— Что за вопрос? — Цзи Лююнь коснулся пальцем горлышка сосуда, думая, что речь всё ещё об обедах. — Если он не слушается, у меня есть свои методы.

Если юноша не хотел брокколи, Лююнь потихоньку измельчал её и подмешивал в блюда с мятой. Тон, которым это было сказано — обыденный и уверенный — заставил Цю Юэбая вытянуться по струнке. Ань Цзянь и вовсе тихонько попятился.

Они помнили своего лидера как личность таинственную и сдержанную, но Цю Юэбай своими глазами видел, как он ведёт дела — чисто и жёстко. В каких же обстоятельствах призрак может так манипулировать легендарным практиком Инь?

Неужели...

Цю Юэбай и Ань Цзянь обменялись взглядами, в которых читался один и тот же пугающий сценарий. Они были частью «Сань Юэ», не посещали форум «Цзе Жун» и не сидели в соцсетях, но слухи в их кругах распространялись быстро. Все знали, что Гу Цянь, некогда бывший неуловимым мастером, внезапно пожертвовал всё состояние на благотворительность и перестал появляться на людях.

Одни говорили, что его заприметила какая-то важная шишка — вроде того же Чэн Ушэна из «Цзинтянь». Другие шептались, что юношу преследует некий могущественный призрак, использующий изощренные и жуткие методы. Стоило мастеру выйти из дома, как этот призрак тут же оказывался рядом, не спуская с него глаз. Ходили слухи, что Гу Цянь после стольких лет охоты сам попался в сети демонического обаяния или же пал жертвой запретной техники, превратившись в марионетку в руках мстительного духа.

Такая реакция подчинённых была прямым следствием корпоративной культуры «Сань Юэ». Это была организация строгая и педантичная. Судьба светила их ремесла затрагивала весь

рынок услуг мира Инь. На совете «Сань Юэ» даже проводились закрытые совещания, где анализировалось: «Какие стратегические возможности откроются для конкурентов, если Гу Цянь падёт жертвой призрачного искушения?» и «Какую скрытую угрозу несет в себе сущность, способная подчинить волю величайшего мастера?».

И вот, обернувшись, они увидели этого самого «опасного духа» прямо перед алтарём с его собственным прахом. Подозрения, зародившиеся у Ань Цзяня ещё на берегу лесного озера, теперь подтвердились окончательно.

Но оставалась одна неувязка. Судя по их недавней сцене, это их лидер вёл себя как преданная ищейка. Однако стоило Гу Цяню выйти за дверь, как Старший брат снова стал походить на себя прежнего... если не считать того странного момента, когда он жадно вдыхал аромат с собственной ладони.

Ань Цзянь, набравшись храбрости, перешёл на «вы»:

— Старший брат, скажите... вы ведь выполняете какую-то сверхсекретную миссию, верно?

— Вроде того, — Цзи Лююнь приподнял керамический сосуд и, высвободив немного духовной силы, осторожно прощупал его содержимое. Инстинкты не обманули — это был его собственный прах. — Всё это касается Гу Цяня, поэтому пока я не могу раскрыть вам подробностей.

— Значит, всё это — ваш тайный план? — с тревогой уточнил Ань Цзянь. — Включая...

Он хотел спросить про потерю памяти, но инстинкт самосохранения заставил его прикусить язык. Однако собеседник ответил мгновенно:

— Это не заговор. Он знает о моих намерениях. И более того...

Цзи Лююнь обернулся, держа сосуд в руках. Его губы тронула лёгкая улыбка, а в глазах заплясали искры.

— Вы ведь сами видели: он знает, что у меня на уме, и всё же не стал меня останавливать.

Целых одна тысяча пятьсот шестьдесят пять секунд, проведенных рука к руке. Призрак чувствовал такую лёгкость, словно парил над землёй, боясь лишь одного — проснуться и обнаружить, что это был сон.

Ань Цзянь тоже вытянулся во фрунт. Как человек, повидавший виды в этом бизнесе, он прекрасно считывал подтекст. Он помнил, как этот лидер едва не иссушил всё озеро в ярости, когда одежда Гу Цяня была испорчена.

— Брат... — парень облизнул пересохшие губы. — А ту одежду мастера... это ведь вы ему купили?

— Разумеется, — Цзи Лююнь был всерьез обеспокоен тем, что образ Гу Цяня пострадал, и сурово произнёс: — Вы поступили крайне опрометчиво, испортив её.

Всё сошлось. Гу Цянь был полностью под контролем Старшего брата: от питания до гардероба. Лицо Ань Цяня приобрело землистый оттенок, а Цю Юэбай трижды прикрыл глаза, тяжело вздыхая.

Это была жажда обладания. Это была принудительная любовь. Неизвестно, зачем лидер разыгрывал спектакль с потерей памяти, но их глава явно превратился в героя мрачного триллера.

Цю Юэбай не мог сдержать дрожь в руках. Ему отчаянно хотелось схватить что-нибудь и разбить вдребезги, чтобы выплеснуть эмоции, но перед ним стоял массивный стол, а подставка для кистей была бесценным антиквариатом. Нищета заставила его резко затормозить; рука замерла в воздухе в нелепом жесте.

Цзи Лююнь взвесил в руках сосуд и заметил странную позу подчиненного.

— Хочешь что-то сломать?

Юэбай быстро убрал руку. Меньше всего на свете он хотел сейчас что-то ломать.

— Тебе стоит избавиться от этой привычки, — Лююнь поставил сосуд на стол. — Насилие — это плохо.

С этими словами он коснулся горлышка, с усилием сорвал глиняную печать и совершенно серьёзно спросил:

— Сахар есть?

Шок Цю Юэбая невозможно было описать словами. Он начал всерьез сомневаться в собственной памяти: когда именно их глава сошёл с ума? Зачем он вскрыл собственный прах и просит сахару?

Не дождавшись ответа, Цзи Лююнь разочарованно протянул:

— Нет, что ли?

— Есть... — заикаясь, выдавил Юэбай. — Конечно, есть.

Спустя три минуты Цю Юэбай и Ань Цзянь пережили ещё одно потрясение, граничащее с ужасом. Они воочию наблюдали, как их лидер высыпал добрую половину банки сахарного песка в собственный прах и принялся тщательно его перемешивать.

Несмотря на очевидность происходящего, Цю Юэбай не удержался от вопроса — его мучило искреннее непонимание:

— Старший брат, что ты творишь?!

Призраку показалось, что сладости маловато, и он добавил ещё одну щедрую горсть сахара. Ответ его прозвучал по-настоящему жутко:

— Гу Цянь любит сладкое.

Это был уже не вопрос личных предпочтений. Какой нормальный человек станет есть прах, пусть и подслащенный?! Цю Юэбай отчаянно пытался подобрать слова.

— Брат, Гу Цянь... он ведь хороший человек.

Лююнь закончил «обработку» праха и вернул столу первоначальный вид. Решив, что банка из-под сахара здесь лишняя, он торжественно водрузил её на алтарь в нише. У Ань Цзяня и Юэбая заныли глаза от этого зрелища.

Призраку было приятно слышать похвалу в адрес своего юноши, но он считал, что её можно дополнить.

— Гу Цянь — лучший в мире, — поправил его великий философ из переулка Уван. — Я знаю его как никто другой. Каждое его движение занесено в мои записи.

В голосе Лююня сквозила гордость. Он уже успел исписать целую тетрадь подробностями жизни своего хозяина. У Ань Цзяня по спине пробежал холодок.

— Вы... вы действительно великий человек, — выдавил Юэбай, покорно кивая.

***

По истечении получаса Цзи Лююнь взял со стола исписанный лист, бережно подхватил сосуд с прахом и вышел из кабинета. Однако у самых дверей он обернулся.

— Мои чувства к нему никак не изменят моего отношения к вам, — произнёс он с необычайной серьёзностью, несмотря на сумбур в голове. — Я за всё в ответе.

С этими словами он толкнул дверь комнаты отдыха. Гу Цянь уже завершил работу над осколками души. Попросив Глупого пса подождать его внутри, юноша вышел к Цю Юэбаю и передал ему лакированный ящичек.

— Поместите это в стабилизатор на одну ночь. К утру сознание должно восстановиться.

Юэбай поспешно принял коробку, но в его взгляде читалось некое странное сомнение. Гу Цяню показалось, что в глазах подчиненных промелькнуло... сочувствие?

Сбитый с толку, юноша вернулся в комнату. Глупый пес в это время суетливо метался из угла в угол, прижимая к груди сосуд и что-то бормоча себе под нос, словно заучивал речь. Это выглядело настолько комично, что мастер не стал сразу заходить.

— О чём вы там болтали? — спросил он.

От неожиданности Цзи Лююнь подпрыгнул на месте. Он тут же предъявил «организации» свой исписанный лист и разразился десятиминутным отчётом. Юноша, просматривая плотные ряды иероглифов, заметил те самые сердечки и невольно выгнул бровь.

— И ты так запросто выкладываешь мне свои секреты? — Гу Цянь закрыл дверь и присел на край кровати. — Из тебя вышел не слишком надёжный лидер.

— Я рассказываю тебе всё это, потому что хочу... — Глупый пес опустился на пол у ног собеседника, по-прежнему обнимая свой сосуд.

— Чего ты хочешь? — тихо спросил юноша, откладывая лист в сторону.

— Хочу сказать... я правда не помню своего прошлого. Раньше я думал, что если не найду себя, то в любой момент смогу умереть за тебя.

— А теперь, значит, умирать расхотелось? — голос мастера похолодел.

— Нет, — Цзи Лююнь покачал головой. — Просто теперь я знаю, что за меня кто-то отвечает. У меня могут быть незавершённые дела. Но мои чувства к тебе — настоящие.

— Настоящие? — Гу Цянь почувствовал, как внутри закипает раздражение. Он убрал колени, избегая прикосновения горячих ладоней. — Ты — призрак, и слова твои — прах. Когда у тебя не было памяти, ты клялся, что готов отдать за меня жизнь.

Несмотря на всю неуместность ситуации, он помнил, что Лююнь — существо иного порядка. Что бы ни сделало его человеком, а затем снова вернуло в облик призрака, он оставался тем, кто готов отдать всё сердце первому, кто подарит ему тепло.

Если бы той ночью в переулке Уван его спас кто-то другой, сейчас Глупый пес точно так же преклонил бы колени перед чужим человеком, изливая свою душу. Эта мысль порождала внутри гремучую смесь из тревоги, горечи и обиды. Юноша с досадой осознал, насколько сильно он привык к их тихой жизни в маленьком дворике.

Цзи Лююнь, обладавший поразительным чутьем на малейшие перемены в настроении мастера, негромко спросил:

— Гу Цянь... ты ведь боишься, что я что-то вспомню?

Мастер отвернулся.

— Нет.

— Боишься, — упрямо возразил призрак. — Ты боишься, что я изменюсь. Боишься, что прошлая жизнь заставит меня уйти.

Эти слова попали в самую цель. Юноша вздрогнул, и в душе вспыхнул гнев. Он уже открыл рот, чтобы отчитать наглеца, но, встретившись с этим пылающим, преданным взглядом, внезапно оробел.

— Гу Цянь, — позвал его Лююнь, не давая отвести глаза. — Ты ведь любишь меня?

Его голос был мягким и вкрадчивым, поза — покорной, но взгляд впился в лицо юноши, не давая ускользнуть от ответа. Тот молчал, пока в его ладони не сунули холодный керамический сосуд.

— Раз я могу делать для тебя лекарства, значит, и мой прах тебе пригодится. Переплавь его и съешь. Я добавил туда много сахара, так что будет не горько, а сладко.

В этих словах была одновременно детская наивность и чудовищная жестокость. Прах — это единственное, что удерживает призрака в этом мире. Отдать его, да ещё и «подсластив» — не было обещания весомее.

Гу Цянь когда-то говорил дяде Чэню, что найти прах Лююня будет почти невозможно. Он представлял себе тысячи вариантов развития событий, но никогда не думал, что тот принесёт его сам.

— Ты ведь видел, они — хорошие люди. Они искренне рады моему возвращению, — Лююнь воспользовался замешательством Гу Цяня и положил голову ему на колени. — Но ты для меня тоже важен. Возможно, у меня остались дела, но я буду рядом. Я не дам тебе умереть.

— Я для тебя важен? — юноша поставил сосуд на тумбочку. — У тебя даже памяти нет. На каком основании ты заявляешь о моей важности?

— Ты просто важен, — Цзи Лююнь посмотрел на него сияющими глазами. — Именно потому, что я ничего не помню, я и осознаю это так отчетливо.

— Ты лжёшь, — мастер попытался отстраниться. — А если ты вспомнишь всё?

Лююнь крепко вцепился в его руку:

— Я не лгу.

Юноша с силой вырвал ладонь.

— Ты вспомнишь свою жизнь. Вспомнишь, кто ты такой. Вспомнишь тех, кто тебя ждёт...

— Ты всё равно будешь важнее! — перебил его призрак.

— Ха, — мастер горько усмехнулся. В следующее мгновение его взгляд стал ледяным, а гнев вырвался наружу. Он схватил Лююня за воротник. — Как ты можешь это гарантировать? Цзи Лююнь, ты — пустой лист! Сегодня ты встретил людей, называющих тебя Старшим братом, и тут же решил взвалить на себя их ношу. А если завтра объявятся твои родственники? А если послезавтра придет кто-то, кому ты давал клятвы в прошлом? Как ты можешь давать обещания?!

Гу Цянь прищурился, сильнее сжимая ткань одежды:

— Ты знаешь, почему потерял память? Ты знаешь, что происходило с тобой эти четыре сотни лет? Ты хоть представляешь, сколько долгов тянется за тобой?

— Я...

— Ты не знаешь ни черта! — отрезал мастер. — Ты ничего не знаешь, так с чего ты взял, что имеешь право что-то обещать?

Лююнь потянулся к нему, пытаясь перехватить руку, но юноша грубо оттолкнул его.

— Твои слова о моей важности — лишь следствие того, что я был первым, кто проявил к тебе доброту после амнезии. Если бы тебя спас кто-то другой... — Гу Цянь сам почувствовал, как нелепо это звучит, и сокрушенно покачал головой. — Ты бы точно так же влюбился в него.

— Это не так! — вскричал Цзи Лююнь. — Дело не в спасении!

— А в чём же тогда? — наседал мастер. — В том, что я кормлю тебя? В том, что позволяю жить под моей крышей?

— Нет! — тот яростно замотал головой. — Почему ты думаешь, что моя любовь — это лишь плата за услуги? Это... это несправедливо по отношению ко мне!

Гу Цянь на миг опешил от такого напора.

— Я знаю, что такое любовь, — в голосе призрака зазвучала непоколебимая уверенность. — У меня нет памяти, но мозги на месте. Я точно знаю, что люблю именно тебя.

— Да что ты смыслишь в...

— Я всё смыслю! — Лююнь впервые позволил себе повысить голос и перебить мастера. В его глазах стояли слёзы, а тон стал почти вызывающим. — Если бы это была просто благодарность, зачем бы мне помнить все твои вкусы? Зачем переживать из-за того, что тебе не нравится? Зачем моему сердцу болеть, когда ты хмуришься, и зачем мне сходить с ума от тревоги, когда ты болеешь? Я... я не знаю, какими словами ещё доказать тебе свою любовь. Ты вечно думаешь, что я хочу совершить сделку, но мне от тебя ничего не нужно взамен!

Его голос сорвался на плач.

— Твоё спасение было лишь шансом познакомиться с тобой. А полюбить тебя — это был мой собственный выбор!

Слёзы наконец хлынули из его глаз. Он небрежно смахнул их ладонью и продолжил:

— Но ты постоянно твердишь: «Ты полюбишь другого». Зачем ты говоришь об этих «если»? Неужели ты думаешь, что мне не больно это слышать?

Юноша опустил голову, хмурясь. На самом деле всё было наоборот: именно чистота и сила этого чувства пугали его больше всего. Ему казалось, что в его руках зажата горсть снега, которая неизбежно растает с первыми лучами солнца.

— А если до потери памяти у тебя уже был кто-то любимый? — спросил он, и в его взгляде промелькнула жестокость. — Ты думал о том, что в твоём прошлом может быть человек,

который ждёт тебя? Человек, которого ты любил гораздо сильнее, чем меня?

— Невозможно! — отрезал Цзи Лююнь.

— Откуда такая уверенность?

Тот начал перечислять факты, загибая пальцы:

— Прах — самое ценное, что у меня есть, — хранился в офисе компании. Если бы у меня был другой дом или место, где меня ждут, зачем бы я оставил его здесь?

Мастер запнулся.

— И Цю Юэбай сказал, — продолжал призрак. — Я никогда никого не пускал в эту комнату. Даже второй Старший брат не имел права сюда заходить. Если бы у меня был любимый человек, разве я жил бы в таком одиночестве?

Гу Цянь молчал.

— И последнее. Если меня кто-то ждёт, почему этот кто-то меня не ищет? Если тебе нужны доказательства моего сердца — я дам их тебе.

Прежде чем юноша успел среагировать, Цзи Лююнь вскочил на ноги и одним резким движением вонзил руку себе в грудь. С тихим стоном он вырвал оттуда сгусток мерцающего белого света — Гуй Ши. Теперь он держал его перед мастером на вытянутых руках.

— Смотри, там никого...

Тот покачнулся, но упрямо договорил:

— Как только я... понял, что люблю тебя... я проверил свое сознание. Оно чисто.

— Хватит! — Гу Цянь перехватил его руку. — Верни это назад!

— Я осмелился признаться тебе в любви только потому, что уверен в своей чистоте. Ты ведь знаешь, если у призрака есть тайные привязанности, его сознание...

— Замолчи! — рявкнул мастер.

Резкая вспышка духовной силы заставила Лююня замолчать, и юноша одним властным

движением вдавил светящийся шар обратно в грудь призрака. Тот болезненно охнул и, потеряв равновесие, навалился на Гу Цяня. Под тяжестью его тела мастер отступил на пару шагов и упал на кровать.

Лююнь, не выпуская его, сполз на пол, прижавшись к ногам хозяина. Этот невыносимый дух мастерски играл на струнах человеческой души: то проявлял стальную волю, то плакал, как брошенный ребёнок. Он привычно уткнулся лицом в колени Гу Цяня и, всхлипывая, прошептал:

— Гу Цянь, мне очень одиноко. Ты мне нужен. Я хочу быть с тобой.

Это был первый раз, когда Цзи Лююнь открыто признался в своей нужде. Мастер опустил взгляд на его золотистую макушку.

— Наверное, ты думаешь, что я глупый, — продолжал призрак. — Но я правда тебя очень люблю. Но ты не переживай, на самом деле моя любовь не такая уж и большая. Наверное... не больше ложечки мёда.

Его голос звучал сейчас так, словно маленького щенка всю ночь держали под проливным дождем — он был влажным, дрожащим и бесконечно мягким.

— О чём ты... — юноша несильно толкнул его в плечо.

— Потому что... — Лююнь судорожно вздохнул, стараясь договорить. — Чтобы собрать одну ложку мёда, пчела должна облететь четыре сотни цветов. Вот и моя любовь — она по крупицам. Когда ты звал меня «Глупым псом», я собирал один цветок. Когда ты съел яблоко, которое я почистил — ещё один. Когда ты гладил меня по голове... это ещё цветок. Каждый день, проведённый с тобой — это новый лепесток. Так и набралась эта ложечка. Совсем немного.

Он так и остался лежать, спрятав лицо в складках одежды на коленях мастера.

— Раз это «всего лишь ложечка», чего же ты тогда твердишь об этом каждый день? — тихо спросил юноша.

— Всё не так... — Цзи Лююнь разрыдался ещё сильнее, и на брюках мастера быстро расплылось мокрое пятно. — Просто когда ты говоришь, что не веришь мне... мне становится так больно.

Всхлипывая, он вцепился в штанину хозяина:

— Не так чтобы очень больно... но всё равно горько.

Гу Цяню следовало бы оттолкнуть его. Этот призрак был окутан тайнами, которые сулили лишь неприятности.

Разум кричал ему.

«Уходи! Не ввязывайся! Не поддавайся на провокацию!»

Но плач Лююня был таким искренним, что сердце мастера словно пропиталось этой влагой. Глупый пес впервые выглядел таким беззащитным. Юноша накрутил прядь золотых волос на палец, чувствуя их мягкость.

Разум ещё пытался сопротивляться.

«Ты ведь знаешь, как опасно приближаться к чужим секретам»

Но чувства уже вели его тело за собой.

Гу Цянь коснулся подбородка Лююня, заставляя его поднять лицо. Пальцы обожгло солеными слезами.

Разум в последний раз вскрикнул в отчаянии.

«Остановись! Ты пожалеешь!»

Но Гу Цянь уже обхватил лицо собеседника обеими руками. Он держал этого дурака, который не понимал правил жизни. Держал этого безумца, который готов был отдать собственный прах.

— Сколько ты сможешь быть со мной? — спросил он.

— Пока не умру. Пока не исчезну навсегда.

Цзи Лююнь обладал невероятной силой, и когда он произнёс эти слова, мастеру на миг показалось, что весь мир принадлежит им двоим. Но...

— Мне страшно, — внезапно признался юноша. Эти слова дались ему с огромным трудом; он долго молчал, прежде чем продолжить: — Боюсь, что ты вспомнишь всё и пожалеешь. Боюсь... боюсь, что ты отдаёшь мне сокровище, которого я не достоин.

Вся его былая суровость исчезла, уступив место волне беспомощности.

— Боюсь, что это мимолётно. Боюсь... — он часто заморгал, сглатывая горечь. — Боюсь, что меня снова бросят. Потому что я не стою этого. Даже собственные родители от меня отказались...

— Я тебя сейчас поцелую, — прервал его самобичевание Лююнь.

Гу Цянь замер, не сразу осознав смысл услышанного.

— Что ты собрался...

В следующее мгновение призрак рванулся вверх и с силой прижал юношу к кровати. Его пальцы впились в запястья мастера — хватка была такой крепкой, словно он хотел раздробить кости и слить их тела воедино.

Он целовал его неумело, почти кусая, а слёзы продолжали катиться по его щекам. Лююню было невыносимо больно: почему такой замечательный человек всегда страдает? Почему он считает себя недостойным любви?

Слёзы падали на лицо Гу Цяня и, подгоняемые дыханием, стекали по щекам, смешиваясь с их общим жаром и растворяясь в поцелуе. Призрак не знал, как ещё убедить его, поэтому целовал снова и снова — его клятва была безмолвной и бесповоротной.

Мастер не сопротивлялся. Он позволял слезам омыwać свое лицо, позволяя этой неистовой нежности затапливать всё его существо. Две души столкнулись в этом пространстве, узнавая друг друга на каком-то первобытном уровне.

Но вскоре юноша почувствовал, что что-то изменилось. Поцелуи стали глубже, теряя характер утешения и приобретая опасный, хищный оттенок. Он хотел было попросить остановиться, но слова затерялись в сплетении их губ. Дыхания не хватало, перед глазами поплыли темные пятна.

— Глупый пес... подожди... — Гу Цянь попытался отвернуться, но тот лишь невнятно выдохнул: «Угу», и снова накрыл его губы своими.

— Ещё один раз, — шептал этот невозможный дух. — Только один.

Но этот «один раз» окончательно лишил мастера воли. Его мысли путались, руки бессильно лежали на плечах Лююня. Он чувствовал, как каждое его дыхание крадут снова и снова. Мир вокруг начал вращаться, пока тишину не прорезал звук телефонного звонка.

Гу Цянь в полузабытьи попытался отстраниться, но Лююнь прижал его ещё крепче. Одной рукой он обхватил затылок юноши, не давая ему и шанса на побег, а другой нащупал телефон и, не глядя, нажал кнопку выключения. Мобильный полетел куда-то в угол.

— Не отвлекайся... — выдохнул он в самые губы юноши. — Ещё разок.

— Я больше... не могу... — мастер попытался вырваться, но его руки лишь сильнее прижали к матрасу. Казалось, весь его разум плавится в этом тягучем жаре.

— Мне... дышать нечем.

— Прости... — Лююнь ответил покорно, вторя ему, но при этом завел руки хозяина над головой и крепко перехватил их одной ладонью, а другой сжал его подбородок, продолжая свое неистовое наступление.

Воздух в комнате стал тяжёлым и тягучим. Казалось, эта ночь будет длиться вечность.

***

— Отключен.

В роскошном кабинете президента «Цзинтянь» Чэн Ушэн отложил смартфон и жестом приказал помощнику Чжану собирать людей. Чэнь Сы в это время уже обзванивал подконтрольные ему группировки.

Сегодня судьба свела их на деловой встрече. Поспорив о контрактах и изрядно повздорив, они уже подумывали о совместном ужине, как вдруг пришло сообщение: в горном массиве на окраине города зафиксирован мощный всплеск духовной силы Цзи Лююня.

Люди из «Цзинтянь», прибыв на место, нашли лишь обрывок одежды с остатками ауры Гу Цяня и его разбитый телефон. Сейчас эти предметы лежали перед Чэн Ушэном. Он попытался дозвониться до помощника, но тот смартфон мгновенно выключили.

Зная, как Лююнь дорожит мастером, Ушэн понимал: должно было случиться нечто из ряда вон выходящее, чтобы призрак высвободил такую яростную энергию. Но какой враг мог заставить Гу Цяня бросить телефон и допустить повреждение одежды?

Лица обоих руководителей потемнели от гнева. Технический отдел «Цзинтянь» сейчас пытался отследить последний сигнал смартфона.

— Босс! — помощник Чжан ворвался в кабинет, глядя в планшет. — Есть записи с камер! Район сложный, но на западном въезде в тот промежуток времени зафиксированы две машины.

— Одна принадлежит компании «Сяньма» и самому Лю Шэну. Вторая — служебный автомобиль организации «Сань Юэ».

— Ищите! — голос Чэн Ушэна был подобен скрежету льда. — Найдите мне этого Лю Шэна. Если он хоть пальцем тронул Гу Цяня, я сотру его в порошок.

***

В то же самое время у главного входа в Башню Цзинтянь из припаркованной машины вышли две фигуры.

— Чунь Сяосюэ, — понизив голос, спросил Лю Шэн. — Ты уверена, что Гу Цянь сейчас в офисе «Сань Юэ»?

— Абсолютно, — холодно усмехнулась она. — К тому же, один из наших лидеров вернулся. Сейчас идеальный момент, чтобы «Цзинтянь» поглотила нашу организацию.

В глазах женщины вспыхнул алчный огонёк — она уже рисовала в своем воображении радужные перспективы.

— Когда всё закончится, замолви за меня словечко перед господином Чэном. Это выгодно нам обоим.

— Договорились, — Лю Шэн задрал голову, глядя на сверкающий небоскреб. — Этот мальчишка, Гу Цянь, совсем потерял берега. Сегодня я сделаю Чэн Ушэна своим мечом и покончу с ним раз и навсегда!

Чунь Сяосюэ поправила одежду.

— Весь город знает, что Чэн Ушэн ненавидит Гу Цяня до глубины души.

— Если мы сейчас поднимемся, Чэн Ушэн ещё спасибо нам скажет.

<http://bllate.org/book/15848/1439607>